

Архимандрит Августин (Никитин)

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР, СВЯТОЙ, РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ...

**(из истории русско-скандинавских
церковно-литературных связей)**

Автор статьи, широко используя российскую и скандинавскую историографию, отражает жизнь и деятельность крестителя Руси, великого Киевского князя Владимира, одного из первых русских святых, которого почитали в Киевской Руси. Называются имена специалистов-историков (Н. Никольский, А. Хоршев и др.), которые в своих работах дали описание князя Владимира по различным источникам. Кроме того, поскольку имелись определенные родственные связи между князем Владимиром и скандинавами, а также общие обстоятельства жизни, указывается на некоторых скандинавских авторов. Прежде всего назван шведский ученый Петр Петрей (1570–1622), описавший деятельность князя Владимира в работе «История о Великом княжестве Московском». Далее — Юст Юль, шведский историк, который в XVIII в. посетил Россию и погребения русских святых. Историческое значение князя Владимира отмечено шведским ученым из Финляндии Х.Г. Портаном (1739–1804). Датский писатель Адам Эленшлегер в 1810 г. написал трагедию, в которой охарактеризовал взаимоотношения норвежского короля Олафа Триггвасона с князем Владимиром. Шведский поэт Эрик Иоганн Стагнелиус сочинил поэму «Владимир Великий» (1817). В 1840 г. были опубликованы материалы в «Русском историческом сборнике». Проанализировал родословные связи Владимира датский ученый Вильгельм Томсен (1842–1927). В статье раскрывается важное значение христианской культуры.

Ключевые слова: князь Владимир, христианская культура, скандинавские авторы.

Archimandrite Augustin (Nikitin)

GRAND DUKE VLADIMIR, HOLY, EQUALAPOSTLED (the History of Russian-Scandinavian Church-Literary Connections)

The author of this paper using Russian and Scandinavian historiography introduced some publications connected with the life and activities of Russ's christening by Grand duke Vladimir. The author talked both about some Russian scientists (N. Nikilskiy, A. Chordchev) and Scandinavian. It is known, that some details of Vladimirs life is connected with some people in Scandinavia. The Swedish historian Petrus Petrejus (1570–1622) had talked about Grand duke Vladimir in the book “The history of the Moscow grand principality”. Then, Just Jul from Sweden visited Moscow and wrote about this. Swedish historian Ch.G. Porthan (1739–1804) wrote how historian important was Duke Vladimir. The Danish writer Adom G. Oehllenschllager in 1810 had wrote a tragedian about contacts between Vladimir and Norwegian king Triggvason. It is necessary to tell about Johan Stagnelius and Vilhelm L. Thomsen. In this paper is shown the importance of the studying of Christian culture.

Keywords: Grand duke Vladimir, Christian culture, Scandinavian authors.

Предисловие

Почитание святых угодников Божиих на Руси практиковалось издревле — со времени принятия христианства из Византии более тысячи лет тому назад. Русские христиане благоговейно почитали память первохристианских мучеников, святых отцов Церкви, отстаивавших чистоту православия, миссионеров, просвещавших языческие народы светом христианского вероучения.

Креститель Руси великий Киевский князь Владимир — один из первых русских святых, почитание которого в Киевской Руси не вызывает сомнений. Однако вопрос о времени его официального причисления к лику святых остается открытым. Отечественный историк Н. Никольский полагал, что местное чествование Владимира восходит к XI — началу XII в., находя этому «намеки» в летописном панегирике¹. По мнению современного исследователя А. Хорошева, поминание «крестителя Руси в форме церковного почитания» относится к XI в.² Подтверждением тому, что какое-то сочинение, прославляющее князя как святого, существовало на Руси в XI в., служат его отголоски в западных хрониках XI–XII вв.³

Новгородская берестяная грамота третьей четверти XI в. содержит перечень святых, среди которых названы имена Бориса, Глеба и «отца Василия». Полагают, что под последним подразумевается князь Владимир, крестное имя которого было Василий⁴. Как «отец» святых братьев Владимир трижды упоминается в каноне Борису и Глебу, входящем в служебную mineю первой половины XII в.⁵ Андрей Боголюбский на торжественном освящении владимирского Успенского собора (1160 г.), обращаясь к князьям и боярам, называет Владимира святым и блаженным. Память Владимира (15 июля) читается во всех списках Пролога с начала XIII в.⁶

Во второй половине XIII в. по инициативе Новгорода, ощущавшего себя политическим наследником Киева, продолжающим общерусское дело, происходит «обновление» культа Владимира. 15 июля 1240 г. сохраняется в истории не только как празднование памяти Владимира, но и как день Невской победы, остановившей экспансию шведов⁷. Неслучайно в Новгороде культ Владимира приобретает особый характер, что засвидетельствовано в древних памятниках⁸.

Упоминания о крестителе Руси как о святом появляются в летописях: в Ипатьевской под 1254 г., в Лаврентьевской под 1263 г.⁹ Святым равноапостольным Владимира называют тексты двух рукописей второй половины XIII в.¹⁰ Древнейший список служебной mineи, содержащей стихирь

и канон Владимиру, датируется концом XIII — началом XIV в.¹¹ В русских месяцесловах его имя встречается начиная с XIV в.¹² Все это свидетельствует о поступательном характере формирования владимирского культа, начальный этап которого приходится на XI в.

Интерес к образу князя Владимира сохранялся и после прекращения общерусского летописания, причем в том числе и у заграничных авторов. Поскольку родственные связи и некоторые детали его жизни связывают равноапостольного князя с народами Скандинавии, эта связь, равно как и упоминание о выборе веры, продолжала сохраняться в исторической литературе. Наибольший интерес представляют исторические и художественные литературные произведения, написанные до появления фундаментальных, чисто научных трудов по русской истории, в которых может быть прослежен своеобразный русско-скандинавский литературный диалог.

Петр Петрей «История о Великом княжестве Московском» (1615)

О миссионерской деятельности князя Владимира было хорошо известно и в странах, сопредельных с Россией. Большое внимание религиозной стороне быта русского народа уделил известный шведский историк Петр Петрей (1570–1622) (*швед.* Peer Persson, *лат.* Petrus Petrejus). В 1602 г. он прибыл из Швеции в Россию и прожил здесь 4 года; затем вернулся на родину и, исполняя поручения шведского правительства, в 1608 и 1611 гг. снова приезжал в Россию. По возвращении в Швецию он в 1615 г. издал в Стокгольме сочинение под названием “Regni Moscovitii Sciographia”, а в 1620 г. было осуществлено издание немецкого перевода этого сочинения в Лейпциге: “Historien und Bericht von dem Grossfürstenthum Moschow” («История о Великом княжестве Московском»).

Говоря о начальном периоде христианизации Руси, П. Петрей повествует о русских святых: св. равноапостольной княгине Ольге и св. равноапостольном князе Владимире. Он отмечает, что княгиня «Ольга отправилась в Константинополь, крестилась там по греческому обряду и названа была Еленой <...> Она первая княгиня в России, принявшая крещение, и так была расположена к греческой вере, что склонила множество людей мужского и женского пола принять эту веру и креститься»¹³. Далее П. Петрей, следуя сообщениям русских летописей, излагает сведения о Крещении Руси.

Владимир был великий идолопоклонник; поставил много идолов в городе Киеве, чтил их и молился им; главный был идол Перун, сделанный из

серебра, все же другие были деревянные и назывались Улад, Хорс (Corsa), Дажбог (Dasvva), Стрибог (Striba), Симергла (Simergla), Мокош (Macosk). Приведши себе в зависимость всю Россию, он приобрел уважение иностранных государств и соседних с ним государей; они посещали его через своих посланников и сильно хлопотали о том, чтобы он бросил свои разнобразные идолы и принял христианскую веру.

Поэтому он отправил своих послов во многие дальние края, чтобы они узнавали, какая в тех краях вера и кого они исповедуют Богом. Они воротились и сообщили ему верные сведения о верах иноземных народов: лучше всех показалась греческая, которая и прежде начинала уже делать успех у них; но потом опять вывелась. Он тотчас же послал доверенных людей к константинопольским государям, Василию и Константину, с самой усердной просьбой, чтобы они выдали за него сестру их, Анну, потому что он намерен не только прогнать от себя жен и наложниц и расстаться с ними, но бросить также и идолы, креститься во имя распятого Иисуса Христа и добровольно возвратить им город Корсунь с другими городами и областями, им завоеванными, недалеко от Черного моря.

Обе стороны примирились на этом условии и имели свидание при городе Корсунь, который Владимир тут же уступил и сдал константинопольским царям вместе с другими городами и областями, крестился и назван был Василием вместо Владимира. Цари отдали за него сестру свою, Анну, и расстались с ним в большой дружбе. После того он развелся со всеми другими женами и наложницами, привязался к младшей из них, из Константинополя, и жил с нею 23 года: это было в 989 г. (988) по Р.Х. <...> После этого Владимир велел рубить, ломать и жечь все идолы в своей земле и побудил всех подданных принять греческую веру, которой русские твердо держатся еще и ныне и исповедуют ее во всех странах и обрядах.

Когда страна была разделена и каждый сын стал заведовать своим княжеством, Владимир созвал всех к себе, усердно и от всей души просил их жить между собой, как следует братьям, в мире и согласии, сохранять греческую веру и оказывать ей покровительство, любить и уважать подданных, не подавать никакого повода к смутам и возмущениям: так он и расстался с здешним миром, спустя 4 года после смерти своей княгини в городе Владимире, там и похоронены они друг возле друга. Этот город сам он и выстроил, в память о себе в 928 (?) г., назвал по своему имени и всегда имел там княжеское пребывание¹⁴.

Утверждая, что князь Владимир и его супруга были похоронены «в городе Владимире», Петр Петрей допускает ошибку. О кончине и погребении

князя источники сообщают предельно ясно: «Умре же Володимиръ, князь великий, на Берестовемь. <...> И ночью же неже клетми проймавые по-мость, в ковyre опрятавши и ужи свесиша и на землю, и възложивъша и на сани, и везоша, и поставиша и въ святей Богородици церкви, юже бе самъ создалъ. <...> И вложиша и въ гробе мраморяни, спрятавшe тело его с плачем великим, блаженаго князя»¹⁵. «И тело же его честное вложиша въ гробъ мраморянь и схраниша с плачем благоверного князя»¹⁶.

Из текста мниха Иакова следует, что Владимир был погребен не в каменном, а в мраморном саркофаге. Факт захоронения в мраморной гробнице, засвидетельствованный в древнерусских источниках, указывает на высочайший ранг усопшего. Нет сомнения, что сам Владимир избрал для себя этот тип императорского захоронения, хорошо известный в Византии. Не исключено, что при этом он следовал византийской практике, в соответствии с которой вступивший на престол государь обязан был выдать мрамор для своего саркофага¹⁷.

По свидетельству Титмара Мерзебургского, саркофаги венценосной четы крестителей Руси стояли рядом посреди храма: «Он (Владимир) долго правил ранее названной страной и умер, когда был уже в престарелом возрасте. Он похоронен в великом городе Киеве в церкви Христова мученика и папы Климента, рядом со своей вышеназванной супругой; их саркофаги открыто стоят посреди храма»¹⁸.

Десятинная церковь, включавшая алтарь с гробницей апостольского мужа и небесного патрона Руси св. Климента и гробницы Владимира и Анны, напрямую соотносилась с константинопольским храмом св. Апостолов с его пантеоном апостольских реликвий и саркофагами равноапостольных Константина и Елены. Размещение гробниц крестителей Руси «посреди храма» под его центральным куполом по византийской традиции являлось свидетельством святости или ожидаемого причисления к лику святых погребенных лиц¹⁹. Естественно предположить, что гробница Анны также представляла собой мраморный саркофаг.

В ходе раскопок XVIII и XIX вв. в Десятинной церкви были обнаружены части мраморных саркофагов. Во время раскопок Десятинной церкви в 1939 г. М. Каргером было найдено более двухсот мраморных обломков различной формы, представлявших собой части внутрихрамовой декорации. Кроме того, было обнаружено 15 фрагментов мрамора, значительно отличавшихся обработкой поверхности и характером орнамента. Среди них — обломок крышки большого мраморного саркофага, внешнюю поверхность и края которой покрывал барельефный орнамент, включающий

изображение креста. Их местонахождение и описания дали возможность М. Каргеру идентифицировать с ними найденные в 1939 г. фрагменты. Ученый полагал, что гробницы принадлежали княжеской супружеской чете — Владимиру и Анне²⁰. Очевидно, элементы мраморной декорации, а также гробницы для великокняжеской четы крестителей Руси были доставлены до завершения работ по оформлению интерьера и освящения Десятинной церкви. Возможно, в конце X — середине XI в. в Киев было привезено несколько мраморных саркофагов, выполненных по княжескому заказу. Владимир мог заказать гробницы по образцу саркофага, который уже находился в Киеве. Не исключено, что в этом мраморном саркофаге, позже ставшем гробницей князя Ярослава, были перенесены из Херсонеса в Киев мощи св. Климента Римского²¹.

Записки Юста Юля (1709–1711)

Шведский автор П. Петрей побывал в России в начале XVII в., в то время русское православное духовенство и верующие в своем большинстве еще находились в рамках конфессиональной замкнутости. В те годы не могло быть и речи о том, чтобы лютеранскому гостю была предоставлена возможность посетить православный храм и осмотреть благоговейно сохраняющиеся там мощи святых угодников Божиих.

Поэтому большой интерес вызывают записки датского лютеранина Юста Юля, которого датский король направил к Петру I в качестве своего посланника. Будучи в Новгороде в декабре 1709 г., Ю. Юль смог наглядно убедиться в том, что русские христиане с благоговением относятся к мощам угодников Божиих и чтят их память. «Мне показали тело св. Никиты, который, как говорят, вот уже 450 лет сохраняется после смерти нетленным, — сообщил датский посланник. — По имени этого святого и церковь называется Никитской (Niketa-Kirke). Показали мне и другого угодника, св. Иоанна, тоже лежащего в великолепной раке. Иоанн этот был некогда архиереем в Новгороде. Как уверяют, мощи его уже 600 лет сохраняются нетленными. Лицо его было закрыто черным вышитым платком»²².

Затем Ю. Юль посетил монастырь св. Антония Римлянина, новгородского чудотворца (1067–1147), где встретился с наместником монастыря. «Епископ немедленно вышел ко мне навстречу в клобуке с длинным покровом, в своих епископских украшениях и с посохом в руке, осенив меня крестным знаменем, он повел меня в церковь»²³, — сообщает автор, а затем, изложив для своих датских читателей предание, связанное с прибыти-

ем св. Антония из Италии в Новгород в 1106 г., продолжает: «Архиерей показал мне также мощи св. Антония. Перед тем как приступить к медному гробу, в котором они лежали, и поднять его крышку, настоятель много раз им поклонился. Он хотел, чтобы и я им поклонился и перекрестился перед ними, но сопровождавший меня монах сказал ему, чтобы он открыл мне мощи, не требуя от меня ни поклона пред ними, ни иных знаков почтения. Впрочем, лица святого для меня не открыли, зато показали множество ношенных им одеяний, как то: шапку и ризы, из коих одна была вся вышита и сплошь усажена кругом настоящим жемчугом»²⁴. Перед уходом из монастыря датскому гостю была показана пещера, где св. Антоний пребывал в молитвенном уединении; наместник обители радушно простился с Ю. Юлем, подарив ему икону с изображением св. Антония, а также написанное по-русски житие этого угодника²⁵.

Находясь в Москве в марте 1711 г., Ю. Юль также имел возможность увидеть православные святыни. Посетив Успенский собор Московского Кремля, он обратил внимание на изображения святых, которые увидел в иконостасе. «Иконостас, отделяющий алтарь от остальной части собора и поднимающийся во всю его высоту, покрыт живописью и уставлен множеством образов, — писал он. — Относительно этих образов следует заметить, что как на старинных католических образах, большое число которых еще уцелело в наших церквах, вокруг головы Спасителя, апостолов и других святых нарисован желтый обручик, изображающий блеск и сияние, исходившие от их лиц, — так по всей России вместо этого желтого обручика обыкновенно к образам, кругом головы святых, приделан такой же величины венчик из меди, серебра или золота. Венчик этот служит украшением, взамен католического малевания. В Успенском соборе венчики на иконах золотые, усаженные множеством драгоценных камней и жемчугов. Тут кстати заметить, что в России нигде не встречается резных образов, а есть только гладкие, писанные»²⁶.

И снова, как ранее в Новгороде, датскому посланнику довелось лицезреть благоговейное почитание святых в Русской православной церкви. На этот раз сначала ему было показано место упокоения святителей московских, в частности св. Петра, митрополита Московского и всея Руси (1326). «Справа от алтаря, — сообщает автор, — в небольшой часовне, кудаходишь через маленькую боковую дверь, в медной раке покоятся мощи святого Петра, митрополита Московского, сотворившего, как рассказывают, много чудес. Возле раки, в серебряном ковчеге, показывают золотой крест, усаженный множеством драгоценных камней. Крест этот будто бы сделан по заказу императора Константина Великого в подобие того креста,

который явился ему в небесах. Мне говорили, что в нынешнюю войну со шведами распятие это, в числе других вещей, было взято неприятелем, но впоследствии русские за 50 ригсдалеров выкупили его обратно у одного шведского солдата»²⁷.

Затем сопровождавшие датского гостя клирики показали ему мощи скончавшегося в 1561 г. святителя Ионы, митрополита Московского и всея Руси. «Из бокового помещения меня провели в другой угол собора, на правой же стороне, туда, где лежало цельное, неистлевшее тело митрополита Московского Ионы, почитаемого русскими за святого, — отмечал Ю. Юль. — Между этим и противоположным углом, с левой стороны на полу, стоит несколько гробниц патриархов, обтянутых черным сукном и обнесенных железной решеткой»²⁸. Также Ю. Юль смог увидеть место захоронения святителя Филиппа, митрополита Московского и всея Руси (1507–1569). «В левом углу, если выходить из алтаря, покоится тело русского митрополита Филиппа, тоже почитаемого русскими за святого»²⁹, — записал датский гость в своем дневнике. Датскому посланнику были также показаны другие святыни Успенского собора, и снова он смог убедиться в том, что русские христиане благоговейно почитают как память святых угодников Божиих, так и их мощи.

«Мне вынесли также главу Иоанна Златоуста в серебряном ларе, — вспоминал Ю. Юль, — <...> а равно правую руку апостола Андрея, обхваченную серебряным обручем, в том будто бы месте, где она была привязана ко кресту. Ссохшиеся пальцы этой руки съезжились и скрючились, ввиду чего утверждают, будто они находятся в том самом положении, в каком св. Андрей крестился ими, когда шел на казнь. Еще показывали голову патриарха Константинопольского Григория Benedicti³⁰ в серебряном ковчеге; палец Василия Великого, как свидетельствуют русские, первого по времени чудотворца; далее кусок кости Иоанна Крестителя, **нижнюю челюсть Владимира**, первого русского христианского царя: он ввел христианство в России»³¹.

Происхождение этой реликвии прослеживается со времени ее обретения. Мраморная гробница с останками крестителя Руси была обнаружена среди руин Десятинной церкви киевским митрополитом Петром Могилой в 30-е годы XVII в.³² В письме царю Михаилу Федоровичу он сообщал, что посылает ему «достойный его царского величества подарок» — часть мощей прапрадеда царя, «равноапостольного российского великого князя и самодержца Владимира», и просил царя об изготовлении и присылки в Киев раки «на мощи прапрадеда»³³. Просьба митрополита не была удов-

летворена по неизвестной причине. (Не исключено, что стремление Петра Могилы возродить былую славу Киева как «Иерусалима земли Русской» шло вразрез с московской идеологической доктриной, объявлявшей Москву «Третьим Римом» и «Новым Иерусалимом».)

Полагают, что мощи остались на прежнем месте, за исключением тех их частей, которые были перенесены в киевские храмы или отправлены в Москву. Глава святого князя была вначале положена в церкви Преображения Господня, а со временем перенесена «для безопасности» в Успенский собор Киево-Печерской лавры³⁴. По свидетельству «служилого иноземца» Патрикия Гордона, жившего в Киеве в 1684–1685 гг., в случае военной опасности эту величайшую святыню «с процессией» обносили вокруг Верхнего города и Замка, освящая и символически ограждая территорию³⁵. В начале XIX в. глава находилась в серебряной раке в приделе архангела Михаила в Великой Печерской церкви³⁶. Кисть правой руки была положена в Софию Киевскую, где она покоилась в особом небольшом ковчеге, стоявшем в центральном нефе с левой стороны перед иконостасом. **Нижняя челюсть** была передана российскому царю и помещена в Московский Успенский собор³⁷.

Летом 1711 г. Юст Юль со своим секретарем Расмусом Эребо побывал в Киеве и посетил Киево-Печерскую обитель. «26 июня 1711 г. мы прибыли в Киев, — отмечал Р. Эребо. — Тут я имел случай увидеть знаменитые киевские пещеры с могилами святых. Потом я купил печатный план этих пещер с описанием их по-латыни и изданное по-славянски житие важнейших из киевских святых с гравюрами; обе книги приобретены мною в самом Киеве»³⁸.

Х.Г. Портан (1739–1804) «Основные черты русской истории»

Шведские историки также обратили внимание на историческое значение князя Владимира. Сочинение знаменитого финского историка Х.Г. Портана (1739–1804) под названием “Grundstrek til Ryska Historien” («Основные черты русской истории») было написано в виде конспекта курса лекций, прочитанного им в Академии Або (ныне Турку, Финляндия). В своем исследовании Х.Г. Портан подчеркивал, что начальные сведения о Древней Руси сохранились благодаря деятельности церковных летописцев. «Древнейшим русским писцом и анналистом был Нестор, монах Печерского монастыря в Киеве; он родился в 1056 г. и умер после 1113 г.»³⁹, — писал Х.Г. Портан.

Среди источников по истории Русского государства Х.Г. Портан отмечал и церковные книги, под которыми «здесь понимаются по преимуществу жития святых <...> изданные под различными названиями: Четьи-Минеи, Пролог, Патерик и т.д., состоящие из многих фолиантов. Они — кладезь исторических сведений»⁴⁰. Х.Г. Портан уделил внимание такому знаменательному в истории русского народа событию, как Крещение Руси. Он говорил о князе Владимире, который «ввел христианское учение, вместе с которым (в страну) проникло византийское искусство и науки»⁴¹.

Впоследствии Х.Г. Портан еще раз обратился к деятельности св. равноапостольного князя Владимира, отмечая, что по возвращении из Херсонеса «он велел разрушить все идолы и крестить свой народ, что и было выполнено. С большой щедростью (он) воздвигал в Киеве церкви, заложил несколько новых городов»⁴². В своем труде Х.Г. Портан отмечал древность русско-скандинавских связей, сообщая о том, что князь Ярослав «взял в жены Ингигерду, дочь короля Олафа Шётконунга. Этот великий князь укрепил в России христианское учение, велел перевести на славянский язык многие греческие книги, строил церкви и основывал монастыри»⁴³.

Адам Эленшлегер. Трагедия «Хакон Ярл» (1810)

В начале XIX в. у лютеранских авторов начало зарождаться, говоря словами современного протестантского богослова, «романтически-литературное отношение к православным святым»⁴⁴. Одним из таких авторов был датский писатель Адам Эленшлегер, который в 1810 г. написал трагедию «Хакон Ярл»⁴⁵. В своем сочинении А. Эленшлегер, основываясь на сказаниях древних саг, рассказывает о взаимоотношениях норвежского короля Олафа Триггвасона (994–1000) (тезоименитого св. Олафу, правившему несколько позднее) и св. равноапостольного **великого князя Владимира** (980–1015), которые в те далекие времена положили свои силы на то, чтобы «водрузить крест на берегах языческих»⁴⁶.

Эрик Иоганн (Юхан) Стагнелиус. Поэма «Владимир Великий» (1817)

Современником Пушкина был шведский поэт Эрик Иоганн (Юхан) Стагнелиус (1793–1823), автор поэмы «Владимир Великий» (“Vladimir den Store”). По своей значимости это произведение может быть сопоставлено

с поэмой М.М. Хераскова, выдержавшей несколько изданий в конце XVIII — начале XIX в. Первое издание поэмы (без имени автора) появилось в Стокгольме в 1817 г. Вскоре поэма была переведена на латинский язык и дважды на немецкий⁴⁷.

Сын доктора философии, доцента греческой словесности в Упсальском университете, затем профессора, доктора богословия и, наконец, Кальмарского епископа Магнуса Стагнелиуса (1746–1829), Эрик Иоган Стагнелиус родился 14 октября 1793 г. на острове Эланде, к юго-западу от Готланда. Обучался в Лундском университете, а в 1812 г. перешел в Упсальский, где через два года уже выдержал экзамен на «канцелярские должности». В 1815 г. Стагнелиус определился на службу в Королевскую экспедицию духовных дел. 3 апреля 1823 г. поэт умер в Стокгольме, не дожив до 30 лет⁴⁸.

Вот что пишет о Стагнелиусе переводчик его поэмы Владимир Головин (1888 г.): «Получив основательное классическое образование под наблюдением отца и перечитав всю его библиотеку, Стагнелиус уже с отроческих лет изумлял людей, его окружавших, необыкновенной памятью, быстрым усвоением прочитанного и пылким воображением. Одновременно с этим он возбуждал в своих родителях и знакомых глубокое сострадание к тяжким болезненным припадкам, почти не дававшим ему покоя вследствие органического порока сердца. <...> Но в эти менее чем 29 1/2 лет жизни из Стагнелиуса выработалась в высшей степени любопытная и своеобразная личность, выдающаяся и мощью духа, и силой нравственно-телесных страданий, и, наконец, особым мирозерцанием, которое в постоянной борьбе души с больным телом он проложил красной нитью через все свое поэтическое творчество»⁴⁹.

В 1829 г. в журнале «Галатея» были опубликованы отрывки из поэмы «Владимир Великий»⁵⁰. В поэме говорится о деятельности киевского князя, Крещении Руси. Публикация поэмы была благожелательно воспринята в русских литературных кругах; по словам одного критика того времени, Стагнелиус, будучи религиозным поэтом, «почерпал вдохновение из идей и добродетелей христианских».

Переводчики поэмы «Владимир Великий» могли не придавать никакого значения историко-географическим ошибкам, вкравшимся в поэму вследствие недостаточного знакомства Стагнелиуса с русской историей. В ином положении находился русский переводчик; он был обязан заметить все эти отступления от исторической истины. Но, к сожалению, эти ошибки вкравлись и в первое издание отрывков поэмы на русском языке. Вот несколько примеров таких неточностей.

Стагнелиус в самом начале поэмы заставляет князя Владимира осаждать не Корсунь, а Феодосию: «Полная луна возвышалась над вершинами западных скал и, улыбаясь в осеребренных облаках, озаряла трепетным лучом своим стены Феодосии и блестящий стан Владимира»⁵¹. «Бояре! Завтра, прежде нежели озера и горы озлатятся лучом солнечным, вы должны быть готовы на приступ к стенам Феодосии»⁵².

Первую речь в поэме Стагнелиус влагает в уста боярина Иоанна. Но христианин Иоанн не мог говорить речи, языческой по своему содержанию: «Наконец Иоанн, всегда льстивый, прервал молчание: “Князь Новгорода! — сказал он, — почто так смущаешь своих верных бояр? Повели разойтись мрачным тучам, покрывающим чело твое, изгони черную печаль из мысли твоей <...> Когда ты сокроешься от взоров своего верного народа, когда, переселившись на небо, ты вступишь в беседу блаженных богов, тогда престол твой превратится в храм, и уважение и любовь славян будет вечно пылающей жертвой, и золотые арфы будут звучать в грядущих веках, прославляя тебя, всеми боготворимого, героя”»⁵³.

В той же речи «язычник Иоанн» восхваляет князя Владимира: «Тебе служат народы, населяющие плодоносные берега величественной Волги, и богатая Биармия, орошаемая хладными волнами Двины и ледяного моря»⁵⁴. В данном случае переводчик сумел сгладить ошибки оригинала, хотя шведский подлинник говорит не о Волге, а о Казани, которой тогда еще не было. Ледовитое или, как в русском переводе, Ледяное море Иоанн называет Полярным морем; но едва ли бояре времен святого Владимира имели понятие о полюсах⁵⁵.

В поэме Стагнелиуса прослеживаются явные «москвофильские» тенденции. В одном из видений князю Владимиру явилась «жена, цветущая небом»: «Она отверзала розовые уста и с благостью рекла: Владимир, не страшись меня! Я мать Святослава, прежде называлась мудрой Ольгой, но теперь в небесах — Еленой»⁵⁶.

Вот что поведала Ольга-Елена князю Владимиру: «Пусть золотое весеннее светило благодати взойдет для россиян! Преклонись вместе со своим народом пред благодворящим Крестом! Под знаменем Креста победы, слава и могущество обречены небом русскому народу. В книге Всесвятого огненными словами начертана непрременная судьба России. Я вижу — дни счастливейшие воцаряются в градах и весях; ангелы с пламенными мечами, в блестящих доспехах окружают престол Рюриков; торжествуя, парят русские орлы над изумленной землей, разносят веления Предвечного и мещут Его перуны. Гордо вознесет Москва главу свою к облакам, праведной рукой

будет взвешивать судьбы народов и, покрытая небесным щитом, спокойно будет сидеть на своем вечном престоле»⁵⁷.

Невольно возникает вопрос: что побудило Стагнелиуса избрать для одной из своих первых поэм тему из русской истории и так любовно отнестись к России, как может только русский человек? Слово переводчику поэмы В. Головину (1888).

Вспомним, что в 1817 г., когда в Стокгольме появилась поэма «Владимир Великий», Швеция еще не успела забыть тяжких ударов, нанесенных ей русским оружием во время войны 1808–1809 гг. и отторгнувших от нее Великое княжество Финляндское. Шведы того времени, оценив по достоинству прекрасный язык поэмы, не могли, однако, очень сочувствовать ее содержанию, особенно же — похвалам России и пророчествам о великих исторических судьбах ее, часто встречающимся в тексте «Владимира». Неприязнь ко всему русскому была еще жива в тогдашних шведах, и этой неприязни не чужд в некоторых своих произведениях даже сам Тегнер, один из величайших мировых поэтов Швеции.

Ответ прост и краток. Восторженный Стагнелиус, живший вне странства и времени, преклонявшийся перед всем великим, откуда бы оно ни исходило, писал «Владимира» под обаянием тогдашнего политического величия России, победительницы Наполеона, освободительницы Европы и кроткой вершительницы судеб ее. Стагнелиус верил, может быть, даже больше, чем мы, русские, в высокое историческое призвание нашего Отечества и благоговел перед чаровавшей его личностью императора-миротворца. Что такое преклонение со стороны недавнего врага, а затем пламенного обожателя России в эпоху войн за освобождение Европы было явлением далеко не исключительным, доказывается разными хвалебными гимнами немецких и даже французских поэтов того времени в честь императора Александра I, но у шведов и финнов песни о России и ее благодушном государе создавались еще ранее 1812 г.

Prince! dont la vertu, soutien d'un hemisphere,
Fait cent peuples heureux dans ces temps effrayans:
Tu vins donc consoler, Toi-meme, o tendre Pere,
L'orphelin, que Tu mis au rang de tes enfans...

Vainqueur! — Mais ce n'est plus a ce nom redoutable,
Que pense le vaincu, comble de tes bienfaits.
Donnant au lieu de prendre, o Guerrier charitable
Tu repands de ton char les fruits d'or de la paix⁵⁸.

Так в 1809 г. приветствовал императора Александра I в древней столице Финляндии Або (ныне — Турку) знаменитый шведский и финляндский поэт Францен (1772–1847), профессор Академии Або, все-таки не сумевший примириться с присоединением своей родины, Финляндии, к России и вскоре переселившийся в Швецию, где в сане епископа Гернёсандского он и умер, чуть ли не в сообществе почти единственных свидетелей его смерти, оленей шведской Лапландии⁵⁹.

Один из героев Отечественной войны 1812 г. — легендарный генерал Яков Петрович Кульнев. Удивительный факт: Кульневу посвятил балладу финский поэт Йохан Людвиг Рунеберг, писавший на шведском языке. Несмотря на то что Кульнев громил его соотечественников во время Русско-шведской войны 1809 г., Рунеберг посвятил ему хвалебную поэму. Были там и такие строки:

Своим носившим смерть клинком
Он нас глубоко уязвил,
Но также любим доблесть в нем
Как будто б наш он был!

Хвала же Кульневу, любовь!
Легко ль найти борцов, как он?
Пусть часто пил он нашу кровь,
Таков войны закон...⁶⁰

Удивительны ли после всего этого восторженные взгляды Стагнелиуса на Россию 1812–1815 гг. и образы, в которые он воплотил свои мысли, выбрав рамкой для них великое историческое событие — принятие христианства князем Владимиром, вполне соответствовавшее по своим особенностям религиозно-мистическому настроению поэта?⁶¹

Возвращаясь к истории издания поэмы Стагнелиуса на русском языке, можно упомянуть про два небольших отрывка из первой песни поэмы, приведенные в изданной в 1845 г. в Москве книжке: «Избранные места из поэм “Владимир Великий”, соч. Стагнелиуса, и “Фритгиоф-Сага”, соч. Тегнера. Перевел со шведского И. Ш-й». Отрывки, произвольно выбранные, озаглавлены: «Явление небожителей» и «Явление царицы Ольги»⁶². Перевод написан четырехстопным ямбом, а не гекзаметром подлинника, и многие места русского текста представляют не перевод, а собственные измышления переводчика.

В 1888 г., к торжественному празднованию девятисотлетия со дня установления христианства в России, поэма Стагнелиуса была опубликована в полном объеме. Предваряя основной текст, переводчик и автор предисловия Владимир Головин уведомлял своих читателей: «Само собой разумеется, что русский переводчик поэмы не считал себя вправе изменять более крупных отступлений Стагнелиуса от установившегося у нас летописного сказания о крещении Владимира, отступлений, вытекающих из всего внутреннего и внешнего склада поэмы. Сюда мы относим: знакомство Владимира, еще до крещения, со своей будущей супругой греческой царевной Анной в Корсуне и последовавший затем поход Владимира на Царьград для принятия там христианства. Ввиду еще и теперь продолжающихся горячих споров наших ученых о времени и месте крещения Владимира, а также ввиду свидетельства Иоакимовой летописи, по которому Владимир крестился не в Корсуне, а в Болгарии (см.: Карамзин «История Государства Российского»), мы вправе поступиться, для оправдания Стагнелиуса, предположением, что все это *могло быть, хотя и не было*»⁶³.

Будучи лютеранином, Э.И. Стагнелиус, тем не менее, подчеркивает, что князь Владимир за свою миссионерскую деятельность был причислен к лику святых. Эту мысль поэт вкладывает в уста византийской царевны Анны, вышедшей замуж за киевского князя в 988 г. Анна в молитве просит у Богородицы, чтобы князь Владимир «стяжал наследие святых, и, блаженный, он на себя возложил навеки венец их нетленный!» И далее сам поэт утверждает, что «золотом Анны мольба вписаны в книге живой Предвечного Господа Бога» (*приложение 1*).

«Русский исторический сборник» (1840)

В 1840 г. в «Русском историческом сборнике», издававшемся Обществом истории и древностей российских, было опубликовано «Извлечение из Саги Олава, сына Триггвиева, короля норвежского»⁶⁴. Пребывание Олафа Триггвисона при дворе князя Владимира, изложенное в исландской саге, перевел на русский язык протоиерей Стефан Сабинин и опубликовал этот текст в параллельном изложении. В предисловии к переводу он отмечал, что сказание о вторичном пребывании Олафа на Руси, ставшее якобы «главной причиной, что Владимир Святославович и народ русский приняли христианскую религию», не является достоверным. Но тем не менее, по словам прот. Стефана Сабинина, «повесть о распространении христианства между руссами взята не с ветру. В ней так же, как и у Нестора, говорит-

ся о совещаниях великого князя Владимира с боярами и народом еще до принятия христианства о том, должно ли принять его. Из этого видно, что писатель саги знал по слуху, как была принята христианская религия великим князем Владимиром и руссами»⁶⁵.

Вильгельм Томсен (1842–1927) «Начало Русского государства» (1876)

Заметный вклад в изучение истории Киевской Руки внес Вильгельм Людвиг Петер Томсен — датский лингвист и историк, профессор, иностранный член-корреспондент Российской академии наук (с 1894 г.). Вильгельм Томсен — автор трудов по истории индоевропейских, прибалтийско-финских и тюркских языков, по этрусскому языку, а также по истории языкознания и истории Европы. Он окончил Копенгагенский университет, там же получил докторскую степень и преподавал с 1871 г. до выхода в отставку в 1913 г. Президент Датского королевского научного общества (1909); с 1894 г. иностранный член-корреспондент Российской академии наук.

Вильгельму Томсену принадлежит труд, озаглавленный «Начало русского государства» (М., 1891). В мае 1876 г. он прочел в Оксфорде курс лекций под заглавием “The relations between ancient Russia and Scandinavia and origin of the Russian state”, который был издан в Англии (Oxford; London, 1877). Книга д-ра Томсена получила признание в Англии и Франции, а также в Скандинавских странах.

В своем исследовании д-р Томсен излагает родословную князя Владимира: «Игорь Рюрикович имел женой свою землячку Ольгу (Helga), родом из Пскова (Плескова). Но, конечно, многие из пришельцев уже с самого начала стали брать в жены славянских женщин. При таких условиях представляется вполне понятным, что потомки этих чужеземцев скоро слились по языку и обычаям с гораздо многочисленнейшим славянским населением, среди которого они жили, и едва ли возможно предполагать, чтобы они сохраняли свою скандинавскую народность долее, чем в течение трех или четырех поколений. Что касается самой княжеской фамилии (семьи, рода. — *a.A.*), то уже сын Игоря, родившийся (по летописи) в 942 г., носил чисто славянское имя Святослав, и с этого времени члены русского княжеского рода начинают носить, за немногими исключениями, только славянские имена»⁶⁶.

Особое внимание д-р Томсен уделил князю Владимиру, крестившему Киевскую Русь: «Когда Владимир (+1015 г.), сын Святослава от славянской

матери, рабыни Малуши, ввел в России христианство и сделал его государственной религией (988 г.), славянский язык был сделан богослужебным, и сам князь в то время, без сомнения, смотрел на себя во всех отношениях как на славянина, хотя, вероятно, язык его отцов был еще ему известен»⁶⁷.

Но в дальнейшем «скандинавская составляющая» снова была привнесена в род князя Владимира через его супругу Рогнеду. Рогнеда Рогволодовна, по прозванию Горислава, была дочерью первого полоцкого князя Рогволода. Князь Владимир женился на Рогнеде около 979 г.; от Рогнеды у кн. Владимира было три сына: Изяслав, Мстислав и Ярослав и две дочери⁶⁸. «Эпоху нового подъема пережила русская национальность в княжение Ярослава Владимировича (+1054 г.), впрочем, это явление объясняется не столько традициями русского княжеского рода, сколько, так сказать, новой прививкой варяжского элемента, — пишет д-р Томсен. — Именно матерью Ярослава была варяжская княжна Рогнеда, дочь Рогволода, князя Полоцкого, пришедшего “из-за моря”. Владимир, еще будучи язычником, насильно взял ее в жены, истребив весь ее род, и, может быть, от своей матери Ярослав унаследовал расположение к норманнской народности <...> Сам князь был женат на Ингигерде, дочери шведского короля Олафа. Однако и этот князь должен был все теснее и теснее примыкать к славянской народности, и, хотя еще его сыновья в юности научились скандинавскому языку при дворе своего отца, не подлежит сомнению, что со смертью Ярослава последняя связь, соединявшая еще русский княжеский род с норманнской национальностью, должна считаться во всяком случае прерванной»⁶⁹.

Но русско-скандинавские связи продолжали развиваться, о чем свидетельствует д-р Томсен: «Однако из того, что к 1000 г. киевский княжеский род можно считать в сущности ославянившимся, еще не следует непременно выводить такое заключение, что скандинавская народность к этому времени совершенно исчезла в России. Многие признаки указывают, что “русское” племя постоянно пополнялось новыми выходцами из скандинавских земель, не только временно служившими при русском дворе или в русском войске, но и остававшимися в России на постоянное жительство»⁷⁰.

Заключение

Личность князя Владимира имела исключительно важное значение для становления отечественной христианской культуры. К важным миссионерским деяниям князя относятся создание храмовых комплексов, посред-

ством которых воплощалась в жизнь программа христианизации Руси; внедрение общегосударственных христианских культов; утверждение книжно-письменной культуры. Общецерковное прославление крестителя Руси восходит к XI в. и напрямую связано с почитанием его мощей. Для частных реликвариев вложение мощей князя Владимира было редкостью, поскольку являлось прерогативой аристократической элиты. По крайней мере известны всего два таких случая: золотой наперсный крест-мощевик ок. 1680 г., принадлежавший царской семье (Государственный Эрмитаж)⁷¹, и серебряный позолоченный крест-мощевик 1677 г. представителя старинного рода, сподвижника Петра I Федора Головина (Государственный исторический музей)⁷².

В 1988 г. в связи с празднованием 1000-летия крещения Руси состоялась передача священных реликвий, находившихся в музеях Московского Кремля, Русской православной церкви. Среди святынь значились и «частицы мощей святого равноапостольного князя Владимира»⁷³.

Приложение 1

Стагнелиус И.Э. Владимир Великий: поэма в трех песнях / пер. со швед. Владимира Головина. Петроград, 1888. С. 126–135. Песнь третья. (В сокращении).

Два дня Владимир стоял со всем своим войском в Корсуне.
 Князя никто не видал. В отдаленном чертоге жилища
 Думал о чем-то все он, но о чем, знали Бог да святые.
 Третий же день наступил — едва загорелась денница,
 Князь своих славных вельмож пригласил на совет и беседу⁷⁴.
 Вот, наконец, загремел Владимира голос могучий:
 «Други-бояре, испытаны вы и в советах, и в битвах!
 Вас на мирный совет созвал я сегодня. Войною
 Снова идти не хочу на народ, не обидевший руссов.
 Выше воинских забот печали мои и заботы!
 Видите ль алый восток, позолоченный солнцем небесным?
 Так же, за тысячу лет, для блуждавших во тьме поколений
 Истины солнце взошло и их светом своим озарило!
 Там, далеко, далеко, где священный поток Иордана,
 Волны свои серебра, под пальмовой сенью струится,
 Там, где возносит Ливан к небесам свои гордые кедры,
 Вечно шумящие с гор, где высятся башни Сиона,
 Бог во плоти пострадал и мир искупил своей кровью!

Все изменилось с тех пор; опять меж землею и небом
Путь открытый пролег, очистительный путь покаянья,
Чтоб первозданную жизнь возратить погибающим смертным.
Голубь преследует хищных орлов. Мечей всех сильнее,
Витязей всяких сильней и ярче венцов всех победных,
Знамя Креста обтекает весь мир в челе ангельской рати.
На землю с дальних небес спустился сияющий город:
Жизни река в нем течет; наполненный дымом кадильным,
Прообразует собой он сияющий город надзвездный.
Свет засветился везде; лишь Русь еще стонет во мраке,
Слепо, позорно неся кровавые жертвы Перуну.
Жертвам безумным — конец! С души своей жаждет Владимир
Жгучие пятна греха крещением смыть, чтоб, очистясь,
Юным вторично восстать из купели новорожденья;
Жаждет почить от трудов под цветущим деревом жизни,
В свете небесной любви, близ ее хрустального моря!..
Други-бояре, внимлите, прошу, вы голосу князя!
Я ведь давно вам знаком; вы знаете все, чем украсил
Князь ваш русскую честь, свою и страны своей славу:
Греческий гордый престол потряс я могучей рукою,
Много народов смирил от Буга до Волги широкой:
Знаете все это вы, так знайте ж еще и другое:
Если следом за мной вы на новый мой путь не пойдете,
С радостью я передам венец свой и меч в ваши руки;
Власть с себя твердо сниму и сиянье ее багряницы
Я навсегда заменю одеждою инока черной.
Прежде, чем пламенный свой это солнце сегодня погасит
В этих волнах голубых, я двинусь в поход к Царюграду —
Там крещенье приму и Кресту поклянусь в послушаньи.
Витязи, верно за мной вы шли на грабеж и убийства;
Кто же за мною пойдет стезей очищенья и жизни?
Вижу, колеблетесь вы, но я колебаться не стану».
<...>
Тут же все поклялись Кресту в послушании вечном...
Прежде, чем день опустил свой пламенный в волны морские,
Выступил киевский князь с боярской дружиной и войском
В мирный поход на богатый Царьград. Пред славянскою ратью
Яркий серебряный крест, лучезарно сиявший на солнце,
Нес седой иерей! Так первой рождественской ночью
Шла перед волхвами звезда и вела их в вертеп вифлеемский.

<...>

В тихой божнице своей на коленях молилася Анна:
 «Матери Божьей молюсь, чрез Нее ко Христу прибегаю:
 Только восставь и спаси Ты Владимира падшую душу!
 Всюду прославленный князь, благородный и доблестный воин,
 Милости щедрой Твоей он, Владычица мира, достоин.
 Пусть я погибну навек, пусть от светлого лика Пречистой
 В пропасть низвергнусь сейчас и погасну в ней искрой огнистой, —
 Только б Владимир стяжал наследье святых и, блаженный,
 Он на себя возложил навеки венец их нетленный!»

<...>

Анна взглянула наверх, и вдруг, в лучезарном сиянии,
 Юноша райский к скорбевшей слетел в золотом одеянии,
 Нежно смотрел на нее и на облачке алом качался.
 Сжалился вестник небес над изнывшею девой земною.
 Кротко утешил ее он словом из уст серебрястых:
 «Анна, слетел я к тебе от Владычицы мира с приветом!
 Ждет невесту жених, ждет Анну Владимир державный;
 В пурпур, в виссон облекись! Навеки ты станешь пред светом —
 Матерью русской земли и царей её матерью славной».
 Ангел умолк и исчез. Царевна ж молилася много,
 Вновь распростершиися ниц. О чем ее были прошенья —
 Смертному знать не дано; но золотом Анны моления
 Вписаны в книге живой предвечного Господа Бога!..

* * *

¹ Никольский Н.К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.). СПб., 1906. С. 232–237.

² Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 85.

³ Назаренко А.В. Элементы житийной традиции о св. Владимире в западно-европейской литературе первой половины XI в. // Древняя Русь и Запад: книга резюме. М., 1996. С. 33–36.

⁴ Янин В.Л., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1999 г. // Вопросы языкознания. 2000. № 2. С. 6.

⁵ Серегина И.С. Песнопения русским святым. СПб., 1994. С. 68.

⁶ Пичхадзе А.А., Ромодановская В.А., Ромодановская Е.К. Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 291.

⁷ Хорошев А.С. Указ. соч. С. 85–87.

⁸ Царевская Т.Ю. Княжеская тематика в росписи церкви Николы на Липне близ Новгорода // Образ Византии: сборник статей в честь О.С. Поповой. М., 2008.

⁹ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 479; Т. 2. Стб. 821.

¹⁰ Царевская Т.Ю. Указ. соч. С. 611.

¹¹ Серегина И.С. Указ. соч. С. 67.

¹² Лосева О.В. Русские месящесловы XI–XIV вв. М., 2001. С. 91.

¹³ Петрей Петр. История о Великом княжестве Московском // ЧОИДР. 1866. Январь–март. Ч. I, отд. IV. С. 96.

¹⁴ Там же. С. 100–102.

¹⁵ Повесть временных лет [по Ипатьевскому списку] / изд. подг. О.В. Творогов // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII века. С. 172–174.

¹⁶ Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку / изд. подг. А.А. Зимин // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 1963. Вып. 37. С. 74.

¹⁷ Каждан А.П. Византийская культура. СПб., 2006. С. 106.

¹⁸ Хроника Титмара Мерзебургского // Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX — первая половина XII в. / Сост., пер., коммент. М.Б. Сverdлова. М.; Л., 1989. С. 67.

¹⁹ Понтэ А.В. Становление почитания Владимира Великого // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. М., 1990. Т. 2. С. 228.

²⁰ Каргер М.К. К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.; Л., 1940. Вып. 7. С. 78.

²¹ Пуцко В. Мраморный саркофаг Ярослава Мудрого // Bizantino-bylgarica. Sofia, 1986. Т. VIII. 1986.

²² Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1900. С. 109.

²³ Там же. С. 110.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 111.

²⁶ Там же. С. 288.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 289.

²⁹ Там же. С. 290.

³⁰ В Московском Успенском соборе в особых ковчегах хранились главы св. Григория Богослова и св. Иоанна Златоуста (см.: Историческое описание Московского Успенского собора / сост. прот. А.Г. Левшин. М., 1783. С. 38).

³¹ Записки Юста Юля... С. 288–289.

³² Миславский С. Краткое историческое описание Киево-Печерской лавры. Киев, 1795. С. 80.

³³ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1866. Т. 3: 1638–1657. № 18. С. 27–29, № 39. С. 44.

³⁴ Миславский С. Указ. соч. С. 80.

³⁵ Гордон П. Киев в 1684–85 гг. по описанию служилого иноземца Патрикия Гордона. Киев, 1875. С. 35.

³⁶ Накануне Второй мировой войны череп св. Владимира был отправлен в Ленинград с целью создания скульптурного портрета по методике М. Герасимова. Дальнейшая судьба святыни не прослеживается.

³⁷ Максимович И. Паломник киевский. Киев, 1854. С. 68; Закревский Н. Описание Киева: в 2 т. М., 1868. С. 289; Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила как возобновитель киевских храмов // Киевские епархиальные ведомости. 1898. № 18. С. 772–781; Истомин Гр. Указатель святынь и достопримечательностей московского большого Успенского собора. М., 1900. С. 47.

³⁸ Записки Юста Юля... С. 458 (прил.).

³⁹ Портан Х. Г. Основные черты русской истории. М., 1982. С. 21.

⁴⁰ Там же. С. 29.

⁴¹ Там же. С. 41.

⁴² Там же. С. 47.

⁴³ Там же. С. 49.

⁴⁴ Гейер Фридрих, пастор. Беседа о Лютеранской церкви с православными христианами. С. 19 (брошюра издана в Германии в конце 1940-х — начале 1950-х гг.).

⁴⁵ См. рецензию: Вестник Европы. 1812. Ч. 64, № 16. С. 272–279.

⁴⁶ Там же. С. 274.

⁴⁷ Латинский перевод был сделан профессором Пером Петерсоном и напечатан в 1840–1842 гг. в Упсале под заглавием “Vladimir Magnus, poema Stagnelianum, latino carmine refictum”. Первый по времени немецкий перевод (“Wladimir der Grosse, ein episches Gedicht in drei Gesange”) принадлежит Олофу Бергу и появился в 1828 г. в Кенигсберге, а второй — К. Ф. Л. Каннегиссеру и помещен в его «Общем собрании» (“Gesammelte Werke”) сочинений Стагнелиуса, вышедшем в 1851 г. в 6 частях в Лейпциге.

⁴⁸ Стагнелиус И. Э. Владимир Великий: поэма в трех песнях / пер. со швед. В. Головина. Пг., 1888. С. 21.

⁴⁹ Там же. С. 20–21.

⁵⁰ Владимир Великий // Галатея. 1829. № 44, ч. IX. С. 226–245.

⁵¹ Там же. С. 227.

⁵² Там же. С. 234.

⁵³ Там же. С. 230.

⁵⁴ Там же. С. 229.

⁵⁵ Стагнелиус И. Э. Указ. соч. С. 19.

⁵⁶ Владимир Великий // Галатея. 1829. № 44, ч. IX. С. 238.

⁵⁷ Там же. С. 241–242.

⁵⁸ «Государь, добродетель которого, опора полушария, дарует в это страшное время благоденствие ста народам, Ты сам, о нежный Отец, грядешь утешить сироту, возведенного Тобою в сан детей твоих <...>

Победитель! Но об этом грозном имени больше не думает побежденный, которого обогатили твои благодеяния. Даруя вместо того, чтобы брать, Ты, милосердый Воитель, рассыпаешь со своей колесницы золотые плоды мира».

⁵⁹ Полный текст стихотворения Францена приведен в «Программе торжественного празднования Императорским Александровским в Финляндии университетом столетней годовщины рождения императора Александра I» 24 (12) декабря 1877 г. Программа написана тогдашним ректором университета, известным профессором и поэтом Топелиусом.

⁶⁰ Цит. по: *Глезеров С.* Хвала же Кульневу, любовь! // Санкт-Петербургские ведомости. 2013. 1 нояб. № 212. С. 7.

⁶¹ *Стагнелиус И.Э.* Указ. соч. С. 47–49.

⁶² Стагнелиус нигде не называет Ольгу царицей.

⁶³ Там же. С. 20.

⁶⁴ Русский исторический сборник. 1840. Т. 4, кн. 1. С. 9–103.

⁶⁵ Там же. С. IV (предисловие).

⁶⁶ *Томсен В.* Начало Русского государства. М., 1891. С. 111–112.

⁶⁷ Там же. С. 112–113.

⁶⁸ Русский биографический словарь. Рейтерн–Рольцберг. СПб., 1913. С. 275–276.

⁶⁹ *Томсен В.* Указ. соч. С. 113.

⁷⁰ Там же. С. 113–114.

⁷¹ *Костюк О.Г.* Коллекция крестов-мощевиков в собрании ювелирного искусства Эрмитажа // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. СПб., 2001. С. 162.

⁷² *Шполянская Д.В.* Крест-мощевик Федора Алексеевича Головина из собрания Отдела драгоценных металлов Государственного исторического музея // Ставрографический сборник. М., 2005. Кн. 3: Крест как личная святыня. С. 421–428.

⁷³ Передача святынь Русской православной церкви // Журнал Московской патриархии. 1988. № 9. С. 46.

⁷⁴ ...Князь своих славных вельмож пригласил на совет и беседу. — Из вельмож (“hoge drottarne”): у древних скандинавов “drott”, кельт. “druid” — один из 12 главных жрецов или судей, а “ofverdrott”, и позже просто “drott” — король, откуда нынешнее шведское слово “drottning”, королева.